

Москва
Театр "Школа
современ. пьесы"

Иосиф
РАЙХЕЛЬГАУЗ:

Я СТАВЛЮ СПЕКТАКЛЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДЛЯ СЕБЯ

1988-1989
15 мая - с. 5

Иосиф Райхельгауз довольно долго и успешно работал в театре «Современник», но потом ему захотелось создать свой театр. Однажды, возвращаясь самолетом с театрального фестиваля с бывшей однокурсницей, театроведом Мариной Дружининой, он поделился с ней мечтой, и они «загорелись» новым для них делом. Так «в воздухе» родилась идея театра «Школа современной пьесы», который существует вот уже десять лет.

— Недавно ваш театр отметил юбилей. Чем он стал для вас, помимо «тождества итогов»?

— Связился этот юбилей нас как-то неожиданно. Вроде бы только что создали театр — а оказывается, нам уже десять... Если вначале это была маленькая компания, почти студия, то сейчас... Вот только что я подписывал штатное расписание: у нас в коллективе работает 141 человек. Играем практически каждый день, без выходных, да еще на двух сценах. Очень много ездим. Сейчас, в мае, в Англию везем премьерный спектакль «Затерянные в раю», а позже — Америка и Канада, где будем показывать «Дон Кихота». Так что сегодня это настоящий репертуарный театр, в афише которого 15 спектаклей... Причем они играют по многу лет. Я бы хотел снять некоторые постановки, но не могу, потому что народ по-прежнему на них идет, да и жалко лишать артистов ролей.

— Волей-неволей приходится идти на компромиссы?

— Театр, как и вообще вся жизнь, — это цепь компромиссов. Для начала приведу такой пример: Сережа Свирцов, который после ухода Альберта Филозова замечательно играет Дон Кихота, «кассу» не делает. Поэтому в данном случае компромисс состоит в том, что справа от Свирцова выступает Татьяна Васильева, а слева — Лев Дуров или Владимир Стеклов. Только в этом случае я рискну поставить в середине Свирцова. Но надеюсь, что постепенно и Сережу признают, и «на него» тоже можно будет продавать билеты. Или вот еще при-

мер. Мы получили предложение от лондонского продюсера сыграть спектакль «Затерянные в раю» — с моей точки зрения, неудачный. Я бы предпочел, чтобы в Лондоне наш театр был представлен чем-то другим, но я иду на этот чистейшей воды компромисс ради того, чтобы заработать денег, сохранить связи с приглашающей нас продюсерской фирмой. Вот так и живем.

— Во всяком разе хлеб не зря жуете?..

— Скорее всего, так. Но у меня появилось постоянное чувство усталости, в том числе и психологической. После юбилея снова надо вглядываться вдаль, искать перспективу, организовывать ее... Мой отец, он профессиональный водитель, как-то очень давно учил меня водить машину. Он сказал, что плохой водитель сидит за рулем, наклонившись вперед и напряженно всматриваясь в то, что у него перед самыми колесами. А хороший сидит, легко откинувшись в кресле, и смотрит далеко вперед.

— Но ведь вам пока удается держать театральный корабль на плаву. Как это получается?

— Довольно просто. Когда работаю над пьесой, стараюсь создать зрелище, которое было бы самому интересно. В общем, ставлю спектакль для себя. Поэтому бываю очень рад, когда это и зрителей устраивает. Естественно, меня как главного режиссера интересуют мнения других членов нашего коллектива. Я рад, что у нас очень сильный директор — Марина Дружинина. Много проверяю на Викторе Шамирове и даже на начинающих артистах. Этому я научился у юби-

Убедить прима Васильеву не так-то просто и Райхельгаузу.

мова, когда еще работал в Театре на Таганке. Ведь нас тогда там было очень много; Анатолий Васильев, Сережа Арцыбашев, Саша Вилькин, Борис Глаголин, Юра Погребничко. Все мы что-то репетировали, сам Юрий Петрович — «Бориса Годунова». Обычно вечером он собирал всех нас в своем кабинете, немножко наливал и, что называется, «стравиливал», то есть выводил на важные разговоры. Я понимал, что для Ю.П. это грандиозная подпитка — такая вот среда. Мне кажется, что в нашем театре схожая атмосфера со старой «Таганкой».

— Вы — счастливый человек в театре?

— Да, безусловно. Хотя это сильно мешает жить.

— В каком смысле?

— Ну есть же еще что-то помимо театра! У меня замечательные дети, прекрасные родители. Хотелось бы общаться с ними побольше. Сейчас я вам расскажу, что со мной недавно произошло. Приехал в Москву из Парижа старый приятель. Ждал меня в театре весь день — а я все занят, занят. Наконец, уже в полдвенадцатого ночи, я ему говорю: «Так, поехали ко мне домой, здесь не поговорим». Приезжаем, на минут-

ку захожу в свою комнату, присаживаюсь на диван и... Просыпаюсь: утро, ничего не понимаю, приятель ушел, жена тоже ушла — у нее утренние репетиции, дочь младшая уже в школе. Я переодолел рубашку и пришел в театр. Вот такая круговерть.

— Мне кажется, что у вас не бывает сбоев в работе, или я ошибаюсь?

— Как сказать. Вам известно, что первыми артистами этого театра были Любовь Полищук и Альберт Филозов. Сейчас они у нас не выступают. Почему? Произошел конфликт, связанный с режимом их работы в нашем коллективе. Люди они очень талантливые, тут ничего не скажешь, впрочем, как и эгоцентричные. Так вот, Полищук и Филозов решили, что театр должен подстраиваться под их расписание жизни, а не наоборот. Меня же это не устраивало. Как бы я хорошо к ним ни относился, но интересы общего дела должны превалировать над личными. Нельзя, работая в репертуарном театре, диктовать ему свои условия поведения: когда могу — тогда и играю. Не знаю, как в дальнейшем сложатся наши отношения, но на сегодняшний день мы расстались.

— Такого рода предательство вы глубоко переживаете?

— Я не называю это предательством. Никто никому ничего не должен... А потом, я не знаю, кому от этого стало хуже. Конечно, для меня это потеря горькая. Но — необходимая, как операция, когда необходимо расстаться с одним пальцем, чтоб сохранить руку.

— В одной статье в связи с вашим юбилеем меня удивила фраза критика: вас якобы недооценивают. Вы так тоже считаете?

— В какой-то мере — да. Театр существует десять лет, многие спектакли объездили полмира. «Чой-то ты во фраке?» собирал и собирает такие аншлаги, что яблоку негде упасть. «Приходил мужчина к женщине» до сих пор не сходит с афиши. «Уходил старик от старухи» — последняя роль Мироновой в театре и первая — Глузского. «Чайка» до сих пор имеет огромную прессу. Но при этом никто и никогда не выдвинул нас ни на «Хрустальную Турандот», ни на «Золотую маску».

Логика при этом примерно такая: подумаешь, мол, что там такого Райхельгауз сделал? Каждый дурак может, пригласив Дурова, Васильева, Стеклова, собрать полный зал... Вокруг нас сложилось мнение, что мы пользуемся «готовыми» артистами, работаем как антреприза. Это, можно сказать, клеймо, раз и навсегда припечатанное.

Подобных «легенд» в театральном мире полным-полно. Кого-то бездумно «назначают» в гении, кого-то называют бездарностями — и пойдя разберись, откуда это взялось... Я очень хорошо понимаю Галину Борисовну Волчек, которая недолюбливает критиков. Идя на какой-то спектакль, они заранее знают, что им понравится, а что — нет. В отношении нашего театра тоже много есть несправедливых мнений. Не в последнюю очередь это зависит и от моей фамилии. Макашовой она

точно не нравится. Сам, когда вижу себя по телевизору, говорю: «Идиот, сиди и не возникай. И не улыбайся — у тебя противное лицо и голос тоже противный». Ну что поделаешь, такое лицо и такой голос, но все это переносится на наш театр. Кроме того, артисты, которые здесь играют, тоже многих раздражают, та же Таня Васильева...

— Раздражают — успехом или независимостью?

— И успехом, и независимостью, и талантом — да всем вместе! Прежде завидовали, что Окуджава в нашем театре выступал. Так чего завидовать: позвоните и вы — я-то позвал, понимаю, кто такой для всех нас Окуджава! Практически заставлял его в последние годы выходить на сцену. Он стеснялся, не хотел, говорил, что у него только старые песни и текст при этом забывает. Или Мария Миронова — ее я тоже уговорил, заставил играть в спектакле. И тем не менее нам постоянно приходится защищаться.

— Лично вас негативное отношение критиков задает?

— Еще как! Очень сильно! Я вообще завожусь с пол-оборота от чужей ерунды, от взгляда, от неосторожной реплики, от того, что артист меня обманывает...

— Ваш артист в вашем театре...

— Да нет сейчас такого понятия — мой артист. Если, скажем, раньше артист «Современника» только бы захотел сыграть в другом театре и с этим пришел к главному режиссеру, то с ним бы такое сделали... А сегодня любой молодой артист все равно куда-то еще бежит...

— И это нормально?

— Наверное. Я вообще-то понимаю, что каждый артист достоин той роли, которую играет, а каждый режиссер достоин того театра, которым он руководит. Если бы сейчас я мог начать сначала — а в моей жизни было много всего: когда меня увольняли, закрывали спектакли, то все равно ничего бы в своей жизни не менял. Потому что, если бы меня не выгнали из Харьковского театрального института, я бы не попал в Ленинградский, не выгнали бы из Ленинградского — я бы не приехал в ГИТИС, и так далее. Поэтому все, что ни происходит, — к лучшему и не надо роптать, грешить на свою судьбу.

Беседу вел
Юрий ФРИДШТЕЙН.